

УДК 81-112:81'0:008:94(476)

«Оршанская грамота 1629 года» как источник для лингвистических и лингвокультурологических исследований

Вардомацкий Л.М.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

История сохранила для нас большое количество различных текстов, написанных на землях современной Беларуси в XVI–XVII веках. Большинство из них – неоценимый источник для формирования объективного взгляда как на историю в целом, так и на истоки и пути формирования белорусского, русского и украинского языков.

Цель данного исследования – показать возможности исторического исследования региональных юридических документов в понимании и объяснении особенностей становления языка и культуры белорусской народности.

Материалы и методы. *Материалом для исследования послужил текст дарственной грамоты от 29 сентября 1629 года землевладелицы Анны Богдановны Стеткевич, урожденной Огинской, и ее сына Ивана Вильгельмовича Заверского-Стеткевича о передаче части своей земли для строительства и содержания монастыря «близь города Оршы между р. Днепромь и Кутеенкой» для устройства и содержания Кутеинского монастыря. Анализ текста документа и представленных в нем исторических сведений и языкового материала проводился методом сравнительно-историческим анализа с использованием метода исторической лингвистической реконструкции.*

Результаты и их обсуждение. *Исследование документа проводилось с учетом общественно-политической и конфессиональной ситуации, сложившейся к началу XVII века на территории нынешней Беларуси. Оршанская грамота 1629 года претерпела три последовательных копирования. Последнее – в 1768 году в оршанской земской канцелярии. Этот текст, в свою очередь, скопирован с текста, выполненного там же в Орше 1 июня 1668 года. Копия 1668 года является выпиской из «книг минских трибунальных» от 29 ноября 1631 года, которая, в свою очередь, была сделана с оригинала документа 1629 года.*

С текстологической точки зрения документ распадается на две части. Это три представленные в обратном временном порядке предисловия переписчиков. (Эти предисловия, несмотря на их юридическую штампованность, с лингвокультурологической точки зрения интересны уже сами по себе). И непосредственно текст грамоты, несущий основную смысловую нагрузку и демонстрирующий языковые особенности оршанского региона в начале XVII века (с учетом стилистической специфики текста, который является деловым документом). При анализе документа выявляются следующие языковые факты. 1. Текст собственно грамоты, сохраняя древнейшие восточнославянские черты, одновременно демонстрирует новые языковые особенности, сложившиеся на данной территории к началу XVII века и отражающие процесс формирования самостоятельной языковой системы. Юридическое послесловие к тексту грамоты сохраняет отмеченные в основном тексте региональные восточнославянские особенности. 2. Такие же языковые особенности наблюдаем и в предисловии к документу, сделанной два года спустя при оформлении минской копии документа. 3. В юридическом предисловии к копии, сделанной в Орше 1 июня 1668 года, наблюдаются признаки дальнейшего развития языка региона. Здесь не только продолжают сохраняться восточнославянские языковые черты, но появляются новые, собственно белорусские особенности. 4. Предисловие к копии 1768 года сделано уже полностью на польском языке.

Заключение. *Оршанская грамота 1629 года демонстрирует хронологическую последовательность языковых, социально-политических и культурных изменений, проходивших на территории современной восточной Беларуси в XVII веке.*

Ключевые слова: *история языка, дарственная грамота, деловая письменность, деловой стиль, текстология, региональные особенности языка, социальный статус языка.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 35–39)

«Orsha Letter on the Transfer of Land in 1629» as a Source for Linguistic and Linguoculturological Researches

Vardomatsky L.M.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

History has preserved for us a large number of different texts written on the lands of modern Belarus in the XVI–XVII centuries. Most of them are an invaluable source for the formation of an objective view of history as a whole, and the origins and ways of formation of the Belarusian, Russian and Ukrainian languages.

The purpose of this study is to show the possibilities of historical research of regional legal documents in understanding and explaining the features of the formation of the language and culture of the Belarusian nation.

Materials and methods. *Material for the study consists of the text of a legal document of 29 September 1629 Anna Bogdanovna Stetkevich and her son Ivan Wilghelmovich Severskiy-Stetkevich on the transfer of part of their land for the construction and maintenance of the monastery near the town Orsha. The analysis of the text of the document and the historical information and language material presented in it was carried out by the method of comparative historical analysis using the method of historical linguistic reconstruction.*

Results and discussion. *The study of the document was carried out taking into account the socio-political and religious situation that had developed by the beginning of the XVII century in the territory of present Belarus. The document has undergone three successive copying. The last — in 1768 in Orsha Zemsky office. This text, in turn, is copied from the text executed in the same place in Orsha on June 1, 1668. A copy of 1668 is an extract from the “books of the Minsk tribunals” of November 29, 1631, which, in turn, was made from the original document of 1629.*

From the textual point of view, the document is divided into two parts. These are the three prefaces of the scribes presented in reverse temporal order, as well as the initial text written by Anna Stetkevich, which carries the main semantic load and demonstrates the linguistic features of the Orsha region in the early 17th century (taking into account the stylistic specifics of the text, which is a business document). The analysis of the document reveals the following linguistic facts. 1. The text of the first document preserves the ancient Eastern Slavic features and at the same time demonstrates the new linguistic features that had developed in this territory by the beginning of the XVII century and reflect the process of formation of an independent language system. The legal afterword to the text retains the regional East Slavic features noted in the main text. 2. The same linguistic features are also observed in the preface to a document made two years later when a Minsk copy of a document is issued. 3. In the legal preface to the copy made in Orsha on June 1, 1668, there are signs of the further development of the language of the region. Here, not only do East Slavic language features persist, but new, Belarusian features themselves appear. 4. The Preface to the copy of 1768 is already in Polish.

Conclusion. *The Orsha document of 1629 demonstrates the chronological sequence of linguistic, socio-political and cultural changes that took place in the territory of modern Eastern Belarus in the XVII century.*

Key words: *history of language, deed of gift, business writing, business style, textual science, regional peculiarities of language, social status of language.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 27. — P. 35–39)

История сохранила для нас большое количество различных текстов, написанных на землях современной Беларуси в XVI–XVII веках. Достаточно подробный список таких текстов был сделан еще академиком Е.Ф. Карским в первом томе своего знаменитого труда «Белорусы» [1; 349–405]. Понятно, что не все тексты в равной мере представляют ценность как источники для лингвистических и лингвокультурологических исследований. Многие из них несут в себе особенности древнерусских письменных традиций и не отражают языковые реалии нового времени, времени становления новых восточнославянских языков. Но большинство из них — неоценимый источник для формирования объективного взгляда как на историю в целом и многие болезненные для наших народов исторические события, так и на истоки и пути формирования белорусского, русского и украинского языков и отражение в этих языках мировоззрения и мироощущения народа.

Цель данного исследования — на основе комплексного анализа показать возможности и значение исторического исследования региональных юридических документов в понимании и объяснении особенностей как становления языка белорусской народности, так и белорусской ментальности и культуры, реализованных и отраженных в языке. Один из путей достижения этой цели — активизация и развитие исторической лингвокультурологии.

Актуальность такого исследования становится особенно очевидной сегодня, в эпоху упрощения

белорусского национального самосознания и исследования генетической общности белорусов в семье славянских народов и исторически сформировавшегося языкового и ментального своеобразия, зафиксированного и закрепившегося в языке.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужил текст дарственной грамоты землевладелицы Анны Богдановны Стеткевич, урожденной Огинской, и ее сына Ивана Вильгельмовича Заверского-Стеткевича, написанной 29 сентября 1629 года, о передаче части своей земли «*близь города Оршы между р. Днепромъ и Кутеевкой*» для устройства и содержания Кутеевского монастыря с обязательным условием, что в нем должна быть построена церковь православная «*Roźdestwa Chrystowa... narodu naszoho Ruskoho*», а также открыта школа «*nauki pisma u jazykow*» и устроена типография. (Где уже через два года Спиридоном Соболем были отпечатаны первые экземпляры «Букваря»). Анализ текста документа и представленных в нем исторических сведений и языкового материала проводился методом сравнительно-историческим анализа с использованием метода исторической лингвистической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Исследование данного документа (условно здесь назовем его «Оршанская грамота 1629 года») необходимо проводить с учетом общественно-политической и конфессиональной ситуации, сложившейся к началу XVII века на территории нынешней Беларуси (и прежде всего ее восточных областей). Согласно существующей классификации, XIV–

XVI века – это время формирования и становления белорусского литературного языка [2; 16]. «Оршанская грамота 1629 года» является элементом этого процесса, демонстрируя, однако, противоречивые тенденции.

Как известно, после подписания Люблинской унии (1596 год) территория современной Беларуси оказалась в составе нового более мощного государственного объединения. С одной стороны, это дало новый импульс для военно-экономического, политического и культурного развития Беларуси в составе Великого княжества Литовского. С другой, – объединив в своих границах разные этносы с разными этногенетическими корнями и разными конфессиональными традициями и историческими притяжениями, уния обнажила и существенные противоречия между ними. Агрессивные действия униатских епископов порождали не менее агрессивное сопротивление, что неоднократно приводило к драматическому противостоянию различных групп населения Витебска, Могилева, Орши, Полоцка. Это противостояние отразилось и в языке местной деловой письменности. Исконная для этих территорий кириллическая письменность постепенно вытесняется латиницей, а формирующийся на основе региональной диалектной речи новый, белорусский язык – языком польским.

Своеобразие такой социальной ситуации самым непосредственным образом отражено и в тексте интересующего нас памятника письменности – «Оршанской грамоты 1629 года».

Многие региональные документы частного характера, в том числе и юридические, одним из которых является анализируемая грамота, до настоящего времени еще не привлекли должного научного внимания языковедов-историков. К таким документам относится и названная грамота. Для исследователей были интересны, как правило, лишь исторические факты, изложенные в них. А между тем такие тексты предоставляют исследователю неограниченную информацию. И не только для историков, но и для этнографов, культурологов и, конечно же, лингвистов, поскольку, с одной стороны, являясь юридическим документом, они построены «по законам жанра» и несут в себе устойчивые языковые формулы жанра и времени, с другой, – отражают особенности живого языка региона, языковую культуру и языковую ситуацию, сложившуюся на данное время на данной территории.

Доступный для нас текст исследуемого памятника опубликован Д.И. Довгялло в 1903 году в 32 выпуске многотомной работы «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской».

Но насколько можно в лингвистическом плане доверять этой публикации?

Как известно, Д.И. Довгялло крайне аккуратно относился к подготовке материалов к печати. Так, если А. Сапунов, собирая и публикуя материалы по истории витебского края, ставил перед собой

задачу «собрать ... по возможности, большее количество источников для истории г. Витебска» [3, с. XXII], то Д.И. Довгялло при подготовке текстов к изданию не только преследовал цель «дать все, что можно, в области, освещающей религиозное, политико-экономическое, юридическое состояние и народный быт западно-русского, а посему и нашего Белорусского края, со всеми мелочами деятельности» [4, с. XI]. Но на первое место он ставит несколько другую задачу: «Этими документами, – пишет он в предисловии, – мы начинаем ряд точного копирования древнейших актов как самого драгоценного материала для изучения древнего белорусского языка» [4, с. XI].

В распоряжении Д.И. Довгялло, как видно, оказалась третья по времени копия, исполненная 29 января 1768 года. В связи с эти встает вопрос о степени оригинальности текста. И здесь следует отметить тщательность и скрупулезность, с которой каждый судебный переписчик относился к работе. Каждая копия предваряется предисловием, в котором указано, кем, когда и по чьему поручению осуществлено копирование, по какой причине, с какого источника. Причем каждая последующая копия сохраняет предисловие, написанное предыдущим переписчиком. Это дает нам возможность проследить историю документа, условия, в которых проходило копирование, причины копирования, географическую распространенность документа.

Судя по количеству таких предисловий, Оршанская грамота 1629 года претерпела три последовательных копирования: в 1768 году в оршанской земской канцелярии по просьбе монахов Кутеевского монастыря (этой копией и воспользовался Д.И. Довгялло). Этот текст, в свою очередь, скопирован с текста, выполненного там же в Орше 1 июня 1668 года, которая является выпиской из «книг минских трибунальных», сделанной 29 ноября 1631 года. А эта, в свою очередь, была сделана с оригинала документа 1629 года (либо это был собственно оригинальный документ, который был отправлен в Минск для юридического утверждения), о чем свидетельствуют записи в послесловии основного текста грамоты: «Pisan w Orszy roku tysieczna szescot dwadcat dewiatoho mieseca Sentebra dwadcat dewiatoho dnia» и в предисловии к копии 1631 года: «Wypis z knih hołownych trybunalnych w Minsku otprawowanых» – «Выписка из судебных трибунальных книг в Минске совершенных».

Исконный оригинальный текст, к сожалению, до настоящего времени не сохранился. Перед нами текст, скопированный по просьбе монахов Кутеевского монастыря с оригинала для внесения в качестве юридического документа в «книги земские повета Оршанского». Все копии документа сопровождаются припиской, что они совершены «słowo do słowa» и, следовательно, мы можем доверять им. Правда, с некоторой долей

осторожности, поскольку во вводной части к последней по времени копии документа, написанной на польском языке Петром Антонием Воропаем, указывается, что к нему поступила просьба вписать в земские книги документ «ро gusku pisanu». Но кириллицей или латиницей «pisanu» оригинальный текст, мы, к сожалению, не знаем. Однако с очень большой долей вероятности можно предположить, что исходный документ был исполнен «по-русски» латиницей, о чем свидетельствует утверждение переписчика, что копия совершена «*de verbo ed verbum*» («слово в слово»). К тому же известно, что почти все региональные юридические документы после трагических событий в Витебске 1623 года пишутся латиницей, что может иметь свое объяснение. Документ, написанный латиницей, как бы маскировал профессиональную принадлежность автора, сохраняя при этом родной язык. Это был определенный временный социально-политический компромисс. И, следовательно, весьма вероятно, что и оригинал грамоты 1629 года был написан «ро gusku» латиницей. Вместе с тем, язык документа, его орфографическое оформление отличаются определенной системностью и последовательностью, что позволяет нам видеть в тексте грамоты отражение некоторых черт живого языка жителей оршанского региона первой трети XVII века.

С текстологической точки зрения документ распадается на две части. Первая, как уже было указано выше, это три представленные в обратном временном порядке предисловия переписчиков. (Эти предисловия, несмотря на их юридическую штампованность, с лингвокультурологической точки зрения интересны уже сами по себе). Вторая – непосредственно текст грамоты, несущий основную смысловую нагрузку и демонстрирующий языковые особенности оршанского региона в начале XVII века (с учетом стилистической специфики текста, который является деловым документом).

При анализе основного текста грамоты обращают на себя внимание следующие языковые факты.

1. Часть документа, представляющая собой непосредственный текст грамоты, продиктованный (или написанный?) Анной Стеткевич, сохраняя древнейшие восточнославянские черты, одновременно демонстрирует новые языковые особенности, сложившиеся на данной территории к началу XVII века и отражающие процесс формирования самостоятельной языковой системы. В качестве примеров можно привести:

– сохранение традиции называния лиц по имени и отчеству: Anna Bohdanowna Ohinskaja, Jan Wilhelmowicz Zawierski-Stetkiewicz, u kniazia Jana Iwanowicza Lukomskoho;

– сохранение полногласных сочетаний: z odnoje storony, pered;

– начальное о- (вместо западнославянского je-): w odnom, z odnoje;

– последовательное обозначение [r] фрикативного использованием латинской буквы R: hody (годы), Hde (где), seho (сего), druhim;

– отражение отвердевшего [p] в положениях, не свойственных ни восточно- ни западнославянским языкам-соседям: Nad rekoju Dnieprom, ot reczki Kutejenki, Prykladom prodkow;

– отсутствие в грамоте графических указаний на развитие «цеканья», то есть перехода [t'] в [ц'], что может свидетельствовать о более позднем развитии этого фонетического явления в языке оршанщины: Терет (совр. белор.цяпер, в польск. teraz), Chotiel, Kutejeno;

– сохранение л-эпентетикум: ziemia, ziemlu (польск. ziemia);

– сохранение восточнославянских форм окончаний полных прилагательных: Orszanskoho, Lukomskoho, Orszanskom;

– использование традиционной общевосточнославянской лексики: potom, sym (сим- 'этим'), soznawajem, wsiakimi, wzglad;

– последовательное употребление диалектной формы указательного местоимения ses, вместо sej – 'сей'.

Вместе с тем, в тексте уже нередки слова и формы, которые имеют явные отличия от языков соседей и которые уже можно назвать новыми, собственно белорусскими: szto, majuczcy, tuju, tyie, mene, tohdy, czogo.

Однако не менее заметна в тексте и другая тенденция: пока еще не значительное, единичное проникновение в язык лексико-грамматических особенностей польского языка: khruntow mieyskich (совр. польск. miejskich) – 'городских земель', написание сочетания -kh- используется для передачи [r] взрывного; spolnie (совр. польск. wspólnie – 'совместно'); zgodnie; wobec, zawždy, władzy, jakokolwiek.

2. Послесловие (удостоверяющая приписка в конце основного текста), сделанное в 1629 году, сохраняет отмеченные в основном тексте региональные восточнославянские особенности. Так, в подписной части документа читаем: «Pisan w Orszy roku tysiecza szescsot dwadcat dewiatoho, miesieca Sentebra dwadcat dewiatoho dnia». Написание числительных, обозначение фрикативности [r], отсутствие аффрикаты -dz-, название месяца – все элементы предложения (за исключением слова «roku» – 'года') сочетаются с языковыми особенностями самого текста грамоты.

3. Практически те же языковые особенности наблюдаем и в приписке, сделанной два года спустя при оформлении минской копии документа. (Эта и последующие приписки уже делались в начале документа). Так, в минской приписке читаем: «Kotoryi tot list u sudu pered name pokladanyi ... do knih holownych trybunalnych jest upisan». Как видим, по лексико-грамматической и фонетической структуре язык приписки вписывается в уже отмеченные выше особенности. Форма

kotoryi, указательное местоимении *tot*, предлог *u* (*u sudu*), полногласия в словах *pered*, *holownych*, обозначение фрикативности [r] с помощью буквы *h* (*knih*), приставка *u-* (*upisan*) – особенности, отражающие восточнославянский характер текста. К новым языковым явлениям мы отнесем лишь использование предлога *do* (*do knih*) и глагольной формы *jest*. А также с некоторой долей условности существительное *list*.

4. Удостоверяющая приписка к копии, сделанной в Орше 1 июня 1668 года «*slowo do slowa*», свидетельствует о дальнейшем развитии языка региона. В ней в значительной степени продолжают сохраняться уже отмеченные в предыдущих копиях восточнославянские и сформировавшиеся собственно белорусские особенности. К ним можно отнести фонетическое оформление числительных в написании даты: *leta tysiecza sześćsot sześćdziesiąt osmoho* (при появлении [dzʲ]); обозначение фрикативности [r]: *perwoho*; сохранение полногласного сочетания (*pered nami*, *holownych*, *perenosu*); отсутствие перехода [r] в [rz] (*pry*, русск. *пу*, польск. *przed*); предлог *u* (*y*) на месте русск. *в* или польск. *do* (*u knihi*), при появлении здесь же параллельных форм уже с предлогом *do* (*do knih*).

Вместе с тем в этой части документа уже заметно активное влияние польского языка и его проникновение в деловую письменность, что проявляется пока еще в изменениях восточнославянских форм под воздействием польской языковой модели. Так, в сравнительно небольшой по объему предисловной части оршанской копии 1668 года выделяем целый ряд свидетельств этого процесса: *na rokoh*, *prawa Pospolitoho*, *oczewisto*, *postanowiwszysie*, *(ku) wpisanu*, *tak sie w sobie majet*.

Особое внимание обращают на себя приведенные в этой части текста имена собственные. На смену имени и отчеству на –ович (–евич), которые использовались при перечислении исполнителей в первых копиях, приходят новые формы: «*Pered name Hieronimom Komarom, ... Stanislawom Kazimierom Boratynskim, ... Ludwikom Karolem Wislouchom ... Pan Bazyli subextract ... pokladal...*».

Эти языковые примеры можно рассматривать как документальное свидетельство постепенного изменения социально-конфессиональной ситуации в оршанском регионе к концу 60-х годов XVII века.

5. Следующая необходимость в получении копии дарственной грамоты на землю для постройки и содержания монастыря под Оршей, известного ныне как Свято-Богоявленский мужской Кутейнский монастырь, и церкви в нем, возникла почти через сто лет и была сделана 9 января 1768 года в оршанской земской канцелярии. Очевидно, что эта необходимость в получении копии документа возникла в связи с новой социально-политической ситуацией, сложившейся в регионе (как и на всей территории Беларуси)

к этому времени, и необходимостью защищать полученные некогда права. Копия исполнена, как указывает переписчик, «*de verbo ed verbum*». Однако текст предисловия здесь написан уже полностью на польском языке. Некоторые графические отклонения, которые наблюдаются в тексте, нельзя признать отражением особенностей местной речи. Например, написания *osmy*, *sposob* (по всему тексту), вместо *ósmu*, *sposób*, скорее всего связано с отсутствием у Д.И. Довгялло технических возможностей для обозначения [ó]. Правда, «случайное» обозначение в данном документе [r] фрикативного и окончания –*u* (*y*) в словосочетании *i humen monastyru* позволяет сохранять мнение, что вне деловой документации в бассейне верхнего Приднепровья продолжал функционировать и развиваться живой язык, базирующийся на восточнославянских языковых корнях.

И только написание во всех случаях в последнем (польском) предисловии названия монастыря *Kutejenskiego* через –*te*- [-тэ-], что в польской орфоэпии искажает название, остается предметом для дискуссии.

Заключение. Таким образом, Оршанская грамота 1629 года, отличающаяся сложной и многокомпонентной структурой, включающей разнесенные по времени и по исполнителям части, демонстрирует хронологическую последовательность как языковых, так и социально-политических и в определенной степени культурных изменений, проходивших на территории современной восточной Беларуси в XVII веке.

Исследование таких памятников письменности помогают глубже и более объективно понять истоки, проблемы и пути формирования белорусского языка в окружении других родственных языков. Такие наблюдения позволяют сделать вывод, что к началу XVII века на территории значительной части современной Беларуси складывается этапный вариант белорусского языка, обладающий уже заметными отличиями как от языка–основы, та и от языков–соседей.

Литература

1. Карский, Е.Ф. Белорусы / Е.Ф. Карский – Варшава, 1903 – С. 349-405.
2. Шакун, Л.М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы / Л.М. Шакун. – Мінск, 1984 – 320 с.
3. Сапунов, А. Витебска старина. Т. 1. / А. Сапунов. – Витебск, 1883. – 668 с.
4. Довгялло, Дм. Ив. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Выпуск тридцатый / Дм. Ив. Довгялло. – Витебск, 1903 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.calameo.com/read/002055968892936183cdd> – Дата доступа: 10.12.2018.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.